

«Женщина французского лейтенанта», 1981

«Фрида», 2002

«Шарада», 1963

«Тельма и Луиза», 1991

«Эпоха невинности», 1993

«Однажды двадцать лет спустя», 1980

«Эвита», 1996

Они и рады 10 ВИДОВ ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ В ФИЛЬМАХ И КНИГАХ

Анна Наринская

1. Счастье быть влюбленной

Что влюбленность — счастье, как-то даже слишком очевидно. Вот в «Шербурских зонтиках» влюбленные не разговаривают, а поют, и это выглядит весьма правдоподобно. Да и в реальной жизни никто бы не удивился, если бы настоящие влюбленные заговорили, например, стихами. Такими как у молодого Блока: «И опять твой сладкий сумрак, влюбленность». Здесь важны все слова — со сладостью все всем понятно, но слово «опять» не менее значимо. Влюбленность ценна именно своей конечностью, возможностью повторенья, возможностью этого «опять». Само чувство куда важнее, чем его объект. Одри Хэпберн в фильме «Шарада» влюбляется в Кэрри Гранта как бы заново всякий раз, как изображаемый им привлекательный сотрудник ФБР меняет имя и легенду. В конце «Шарады» дело идет к браку, и это жаль. Влюбленность куда обаятельнее. К тому же на женщин состояние «немножко влюблена» действует тонизирующе, недаром Лиззи Беннет из «Гордости и предубеждения» так искрометно остроумна, пока она просто равнодушна к мистеру Дарси. Когда влюбленность сменяется серьезным чувством, все становится скучнее. Правда, и влюбленность, оказывается, можно превратить в тяжелый труд — как в советском фильме «Влюблен по собственному желанию». Но это, наверное, связано с перегибами на местах.

2. Семейное счастье

Существует весьма влиятельное мнение, что женщина для этого и предназначена. Муж, деточки, ежедневная рутинка — может, и скучноватая, но дарующая уверенность, что так и надо, что по-другому просто быть не может. Кстати, с такой скукой легко можно бороться. Например, увеличив количество детей. Каждый из них — будьте уверены — даст прикурить по-разному. Как в известном советском фильме «Однажды двадцать лет спустя», где Наталья Гундарева сыграла мать-героиню, жизнь которой по милости детей просто изобилует событиями и даже приключениями. В других, несоветских обстоятельствах дети, сам факт семьи, особая атмосфера семейного дома оказывались залогом высокого светского статуса. На семейное счастье люди слетаются как бабочки на свет. Именно оно делало такими привлекательными праздники семьи Ростовых в начале «Войны и мира» и вызывало желание присоединиться к расслабленной пляжной жизни семьи Дайвер в «Ночь нежна» Фицджеральда. И еще неубиенный, хоть и банальный аргумент в пользу семейного счастья — вместе веселее. Даже монстрам, таким как члены семейства Адамс.

3. Счастье быть свободной и независимой

За последние лет шестьдесят это труднодостижимое когда-то счастье стало распространенным видом женского устройства жизни — как, например, у героинь «Секса в большом городе».

Теперь, чтобы понять остроту такого ощущения, приходится вглядываться в прошлое. Как Джон Фаулз в «Женщине французского лейтенанта» или Антония Байетт в романе «Обладать», во многом повторяющем переплетающееся наше время с викторианской эпохой устройство фаулзовского бестселлера. Нам сегодняшним трудно, а иногда даже невозможно понять, какой хрупкой субстанцией была когда-то женская свобода. Какое маленькое расстояние отделяло женщину независимую от женщины падшей, а ведь именно поэтому Джейн Эйр выстраивала вокруг себя такие бастионы из целомудрия и жалкого гувернантского жалованья. Сегодня гораздо легче рассматривать все то, что тогда было вопросом в первую очередь общественным, касающимся положения женщины в мире, в плоскости эмоциональной. Именно заботясь о смотримости, Мартин Скорсезе перевел конфликт «Эпохи невинности» Эдит Уортон в зону почти исключительно чувств. А ведь книга эта вообще-то исполнена социальной критики. Так что сегодня по-настоящему свободная женщина должна не зависеть от мужчины именно эмоционально — как Пенелопа Крус в «Возвращении» Альмодовара. Она не только убивает своего мужа, она еще и совершенно по этому поводу не переживает.

4. Счастье бросить все

Здесь в каком-то смысле все похоже на предыдущий пункт. Когда-то женщины, решавшиеся все